

Научная статья
УДК 903.12
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.015

АРХЕОЛОГИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: ОБЗОР НА 2022 ГОД

Евгений Михайлович Колпаков¹, Алевтина Михайловна Киселёва², Антон Игоревич Мурашкин³, Владимир Яковлевич Шумкин⁴

^{1, 2, 3, 4}*Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

¹*eugenkolp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5648-3406>*

²*aliakiseleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-5994>*

³*aimurash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-9305>*

⁴*shumkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>*

Аннотация

До сих пор книга Н. Н. Гуриной 1997 года остаётся единственной работой, рассказывающей в целом о древней истории Кольского полуострова. В статье представлена краткая сводка по археологии и истории Кольского Севера с акцентом на исследования последних 25 лет. Современные научные представления предполагают два пути первоначального заселения Кольского полуострова в мезолите: «западный» — по побережью Норвегии из южной Скандинавии, «восточный» — из областей к югу и / или востоку от него. Переход к неолиту, отмечаемый появлением керамической посуды, происходит во второй половине 6 тыс. до н. э. В середине 3 тыс. до н. э. появляется культура Гресбакен, которая существует до середины 2 тыс. до н. э. В 1 тыс. до н. э. фиксируются элементы саамской культуры, которая развивается до исторической современности. При этом на Кольском полуострове и севере Скандинавии и Финляндии во все времена существовали общие археологические культуры. Древнерусская культура проникает в этот регион не позднее XII века.

Ключевые слова:

Кольский полуостров, мезолит, неолит, бронзовый век, Средневековье, саамы, петроглифы, лабиринты

Благодарности:

исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012) и ФНИ ГАН «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

Для цитирования:

Археология Кольского Севера: обзор на 2022 год / Е. М. Колпаков [и др.] // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 164–183. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.015.

Original article

KOLA NORTH ARCHAEOLOGY: AN OVERVIEW FOR 2022

Eugen M. Kolpakov¹, Alevtina M. Kiseleva², Anton I. Murashkin³, Vladimir Ya. Shumkin⁴

^{1, 2, 3, 4}*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia*

¹*eugenkolp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5648-3406>*

²*aliakiseleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-5994>*

³*aimurash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-9305>*

⁴*shumkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>*

Abstract

Up until now the book by N.N. Gurina released in 1997 is the only general work about the ancient history of the Kola Peninsula. This article is a brief summary of the archeology and history of the Kola North with an emphasis on research over the past 25 years. Modern scientific ideas suggest two ways of how the first humans initially populated the Kola Peninsula in the Mesolithic: "western" — along the coast of Norway from southern Scandinavia, "eastern" — from areas to the south and /or east of Kola Peninsula. The transition to the Neolithic, marked by the appearance of pottery, takes place in the second half of the 6th millennium BC. In the middle of the 3rd millennium BC the Gressbakken culture appears, which exists until the middle of the 2nd millennium BC. In the 1st millennium BC elements of the Saami culture are known, which develops up to the modern times. At the same time common archaeological cultures existed at all times on the Kola Peninsula and the North of Scandinavia and Finland. Ancient Russian culture comes to this region no later than the 12th century.

Keywords:

Kola Peninsula, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Middle Ages, Saami, petroglyphs, labyrinths

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project (FMZF-2022-0012, FMZF-2022-0017).

For citation:

Kolpakov E. M., Kiseleva A. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya. Kola North archaeology: an overview for 2022. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 164–183. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.015.

Книга Нины Николаевны Гуриной (1909–1990) «История культуры древнего населения Кольского полуострова», вышедшая в 1997 году, до сих пор остаётся единственной работой, рассказывающей об истории Кольского Севера с древнейших времён и до Средневековья [1]. Разумеется, главное содержание книги представлено археологическими находками. В ней учтены данные, собранные разными исследователями, начиная с конца XIX века (Т. J. Itkonen в 1914 году, А. В. Шмидтом в 1928 году, Б. Ф. Земляковым в 1935 и 1937 годах, А. В. Анпиловым и Ю. В. Титовым в 1969–1974 годах), и самой Н. Н. Гуриной, начиная с 1946 года. Кольская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) под руководством Н. Н. Гуриной открыла сотни памятников и исследовала раскопками десятки из них. В. Я. Шумкиным были открыты памятники наскального искусства. Добытые археологические материалы стали базой для реконструкции древней истории населения Кольского Севера, представленной в обобщающей работе Н. Н. Гуриной.

Нельзя не отметить при этом, что рукопись книги автором не была закончена, а данные, представленные в ней, собраны до 1985 года. Изданная учениками Н. Н. Гуриной, В. И. Тимофеевым и В. Я. Шумкиным книга оказалась отчасти устаревшей уже к моменту публикации, как и научные представления, отразившиеся в ней. Что же после?

Все эти годы Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН продолжала исследования в Мурманской области. В результате интенсивных разведок количество известных археологических памятников возросло почти в три раза. Были исследованы раскопками памятники, которые существенно дополняют и изменяют наши знания о древностях Кольского полуострова. В 2010-е годы количество публикаций по археологии Кольского Севера выросло в 2–3 раза [2], вышло 5 книг [3–7]. Однако обобщающих работ, рассказывающих об археологии и древней истории Кольского Севера в целом, пока нет. Эта статья призвана слегка восполнить данный пробел с акцентом на результатах полевых исследований последних 25 лет.

Немного палеогеографии

Впервые люди появляются на севере Фенноскандии после отступления Скандинавского ледника — в голоцене. На протяжении этого периода природно-климатические условия Европейского Заполярья неоднократно менялись. По сравнению с современностью, были как более тёплые, так и более холодные периоды, более влажные и менее.

В позднеледниковье и голоцене Кольский полуостров испытывал гляциоизостатическое поднятие, а окружающие его акватории — эвстатическое поднятие моря. В позднем голоцене на Кольском полуострове имела место морская регрессия [8–11]. Поэтому при поиске и датировании археологических памятников всегда учитываются высота над уровнем моря и их приуроченность к морским террасам.

Подавляющее большинство (90 %) памятников археологии Мурманской области расположено на древних и современных берегах Белого и Баренцева морей. Это объясняется тем, что продуктивность моря с точки зрения питания древнего человека в условиях Арктики была значительно выше, чем в условиях внутренних пространств. При этом материковые и приморские памятники практически не отличаются по типам артефактов.

Мезолит (~ 9–5,5 тыс. лет до н. э. — 135 памятников)

Постепенно вырисовывается картина первоначального заселения Кольского полуострова по окончании последнего оледенения и дальнейшего развития населения до исторических времён. Приход раннемезолитического населения не позднее сер. 9 тыс. до н. э. с территории Северной Норвегии сейчас можно считать доказанным. Инициальное заселение проходило, в основном, по побережью незамерзающего Баренцева моря, как и заселение Норвегии по побережью Норвежского

моря (культура Комса). Другую волну заселения, с южного или юго-восточного направлений, видимо, также уже можно считать доказанной [12–17].

Основой жизнеобеспечения были морские ресурсы. Не вызывает сомнений наличие в мезолите средств, пригодных для каботажного плавания в Норвежском и Баренцевом морях. Открыты немногочисленные небольшие, углублённые, обычно прямоугольные жилища площадью около 3×3 м.

Исследования после 1997 года

В 2014–2016 годы нами были проведены раскопки четырёх мезолитических памятников (Гусиный 4–7) на южном побережье Кильдинского пролива [18]. Сейчас они являются самыми ранними датированными памятниками археологии Мурманской области. Три из них (Гусиный 4, 5, 7) по характеру инвентаря относятся к числу памятников с так называемой «восточной» пластинчатой технологией, четвёртый (Гусиный 6) — к кругу памятников культуры Комса (Komsa phase) по П. Вудману [19: 301] или фазы I по Б. Ульсену [20: 29–30]. Причём на поселении Гусиный 6 впервые для Кольского полуострова было раскопано жилище эпохи мезолита — квадратное, слабо углублённое площадью 3×3 м с кострищем в центре (рис. 1). По древесному углю (^{14}C) стоянка Гусиный 4 может датироваться третьей четвертью 9 тыс. до н. э., а жилище № 8 на поселении Гусиный 6 — рубежом 9–8 тыс. до н. э. (LuS 13235–13244; SPb-1377, 2113). Заметим, что до сих пор самой ранней радиоуглеродной датой с Кольского полуострова была дата раннеолитической стоянки Цага 1 — 5760 ± 160 BP (4800–4440 calBC Le-1387) [1: 73, 138].

Рис. 1. Поселение Гусиный 6 (ранний мезолит). Жилище 8. Раскопки. Вид с востока-северо-востока.
Фото Е. М. Колпакова

В жилище обнаружены изделия из кварца, кремнённого песчаника и кремня, в том числе серии черешковых наконечников «аренбургского» облика и топоров на отщепках (рис. 2). По характеру инвентаря Гусиный 6 относится к культуре Комса и отражает первоначальное заселение Северной Фенноскандии вдоль норвежского побережья.

Материалы стоянок Гусиный 4, 5, 7 чрезвычайно сходны. В качестве сырья использовался кремль, кремнённый песчаник и кварц. Технологический контекст индустрии указывает на то, что расщепление на стоянках было направлено на получение пластин в технике отжима или удара через посредник. Набор орудий на стоянках ограничен. Большой серией представлены пластины с ретушью,

зачастую намеренно фрагментированные (рис. 3), концевые скребки на пластинах, резцы на углу сломанной пластины. Имеется черешковый наконечник, оформленный пологой ретушью на вентральной поверхности.

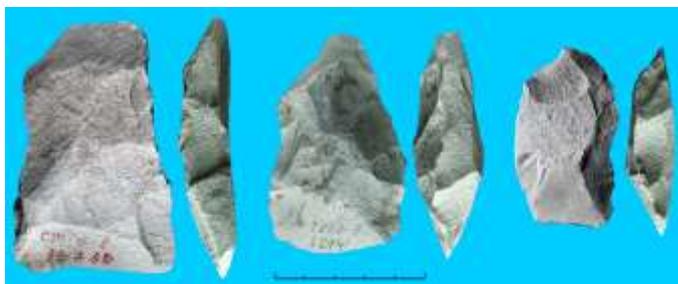

Рис. 2. Поселение Гусиный 6 (ранний мезолит).
Жилище 8. Топоры на отщепках (окремнённый песчаник).
Фото Е. М. Колпакова

Рис. 3. Стоянка Гусиный 4 (ранний мезолит).
Ножевидные пластины (кремь и
окремнённый песчаник). Фото Е. М. Колпакова

Таким образом можно считать доказанным, что инициальное заселение Кольского полуострова произошло не позднее конца 9 тыс. до н. э., как и всего Крайнего Севера Фенноскандии. Вероятнее всего, люди «западной» волны заселения были потомками финальнопалеолитического населения Западной Европы, люди «восточной» — потомками финальнопалеолитического населения Восточной Европы.

В позднем мезолите каменная индустрия унифицируется и местные кварцевые породы, которые встречаются здесь в изобилии, становятся главным материалом для изготовления массовых каменных орудий, хотя кремь продолжает использоваться.

Ранний и средний неолит (~ 5,5–3 тыс. лет до н. э. — 150 памятников)

Керамика, которая отделяет эпоху неолита от эпохи мезолита, появляется на Кольском полуострове к концу 6 тыс. до н. э., о чём свидетельствуют последние радиоуглеродные датировки нагара со стенок сосудов (Poz-151703, 151704, 151748, 152105). Первая керамика относится к типу Сярайсьниemi 1, распространённому на севере Карелии, Финляндии и Норвегии. На Кольском полуострове фрагменты сосудов этого типа обнаружены на 41 памятнике [21] (рис. 4).

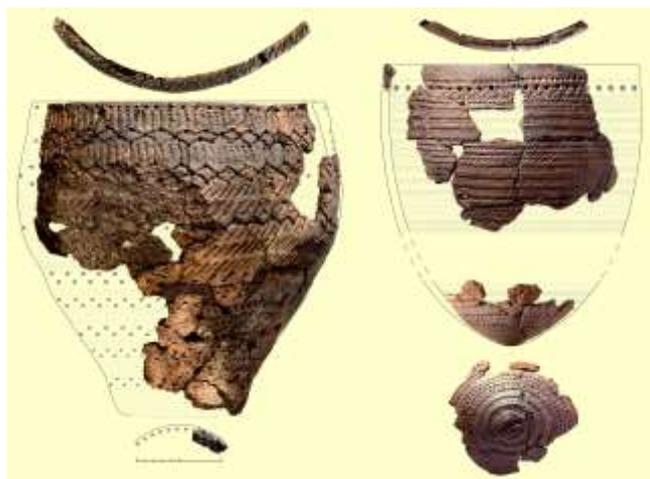

Рис. 4. Керамические сосуды раннего неолита со стоянок Завалищенская 3 и Нерпичья Губа 1. Фото И. Г. Самоварова

Кроме производства керамики, в неолите развивается бифасиальная техника обработки камня, а с помощью техники шлифования и пиления изготавливаются орудия из сланца. Среди орудий особо отмечаются черешковые наконечники стрел листовидной и ромбической формы и ножи.

При этом сохраняется и преемственность в каменном инвентаре. Был ли заметный приток населения в Заполярье с юга и юга-востока, пока не ясно. Памятники раннего неолита есть как на северном (Мурманском), так и на южном (Кандалакшском и Терском) берегах Кольского полуострова, а также в его центральной части. Причём по типам артефактов в целом они не отличаются.

Исследования после 1997 года

В 2010-е нами было раскопано три небольших памятника раннего неолита. Кроме того, было проведено исследование ранненеолитической керамики из раскопок 1970–1980-х годов [21; 22].

В 2012 году на побережье Ивановской губы на поселении **Ивановский Маяк 2** раскопан объект № 9, который представлял собой кольцевую выкладку диаметром 2–2,2 м из уплощённых камней размерами около 50 × 25 см, уложенных вплотную друг к другу в один ряд (рис. 5). Немногочисленные артефакты (керамика, кварц, кремьен) и мельчайшие древесные угольки залежали в песке, непосредственно под дёрном, в основном, в пределах каменной выкладки. Состав находок, за исключением нескольких фрагментов керамики Сярайсьниemi 1, соответствует подъёмному материалу из соседних выдувов. Дата по древесному углю из слоя 4800–3950 calBC (Le-9766). Назначение сооружения не выяснено.

Рис. 5. Поселение Ивановский Маяк 2 (ранний неолит). Объект 9. Раскопки. Вид с юга. Фото Е. М. Колпакова

К западу от Харловки на высоте 17–18 м БСВ открыт новый памятник **Харловка 18**. На развееванной поверхности обнаружены фрагменты керамики и каменные артефакты. Шурф 2 × 1 м на глубине 5–15 см вышел на скальное основание. Всего собрано четыре бифасиальных наконечника из кремня и 32 фрагмента керамики Сярайсьниemi 1, относящейся к неолиту.

Стоянка **Лива 8** на озере Верхнее Чалмозеро в Ковдорском районе раскопана практически полностью в 2022 году. Найдено 393 каменных артефакта (в основном микродебитаж кварца) и развал керамического сосуда. По найденным фрагментам реконструирована форма сосуда типа Сярайсьниemi 1. Стоянка Лива 8 является первым известным памятником раннего неолита в Ковдорском районе и вообще к западу от Кандалакши до границы с Финляндией.

Поздний неолит и бронзовый век (около 3–1 тыс. лет до н. э. — 370 памятников)

В позднем неолите и бронзовом веке на арктическом побережье Фенноскандии существует единая археологическая культура (фаза) Гресбакен (Gressbakken) от Тромсё в Норвегии до Йоканги в России. Первое поселение типа Гресбакен (8 углублённых жилищ) было открыто В. Таннером в 1928 году на побережье Малой Волоковой губы полуострова Средний (Гроттут) и раскапывалось С. Пяльси в 1929 году. Близкое сходство между комплексами этой культуры выражено как в типах каменных и костяных артефактов, так и в типах жилых построек. Это яркая культура морских охотников и рыбаков, которая датируется от середины 3 до середины 2 тыс. до н. э. Размеры поселений доходят до нескольких десятков построек, хотя трудно установить, сколько из них существовало одновременно. Обычными становятся конструктивно сложные, углублённые до 1 м жилища. Основой жизнеобеспечения была охота на гренландского тюленя и китообразных, а также рыболовство. Массовые фаунистические данные, свидетельствующие об этом, происходят из 10 памятников на территории Норвегии и России (Bergeby, Karlebotn, Advik, Gressbakken, Kalkillebukta, Нойбукт, Маяк 2, Усть-Дроздовка 3, Завалишина 5, Харловка 1–6) [23–26]. Разумеется, в небольших количествах пищей служили и другие животные: лось, северный олень, медведь, бобр, заяц, водоплавающие птицы. Добываемой пищи было достаточно для обеспечения осёдлого образа жизни в круглогодичных поселениях [27].

Повсеместно распространены угловые (коленчатые) ножи (рис. 6), шлифованные из сланца и двусторонне обработанные из кремня, которые, вероятнее всего, применялись для разделки морского зверя и употребления мороженого мяса, также как древние и современные «женские» эскимосские ножи типа улу (уляк, улек, пекуль, пеколка). Встречаются каменные грузила (с желобком) для сетей. Большинство найденных художественных изделий из кости, рога и камня относятся к этому периоду (рис. 7).

Рис. 6. Стоянки Гусиный 17 и Песканец 2 (неолит — бронза). Шлифованные угловые ножи (сланец). Фото Е. М. Колпакова

Рис. 7. Местонахождение Песканец 4 (поздний неолит — бронза). Стержень с изображениями голов тюленя на концах и насечками (сланец). Фото Е. М. Колпакова

Находки артефактов из меди и бронзы единичны, но, как показывает трасология, многие орудия из кости и рога сделаны металлическим инструментом. Есть и доказательства местного бронзолитейного производства из привозного металла: тигли и литейные формы [28]. В древности на Кольском полуострове не было доступных источников медных руд.

Наиболее выраженные долговременные зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения, в которых могло проживать 10–20 человек [29]. Это были полуземлянки с внутренней камерой, достигавшей размеров 6 × 12 м. Стенки котлована в некоторых случаях укреплялись деревянной опалубкой. Устраивались полаты для сна. Обогрев обеспечивался

сложенным из камней одиночным или двойным очагом, от которого отходил горизонтальный, переходящий в стене в вертикальный дымоход. По торцам жилища сооружались проходы, которые в ряде случаев соединяли соседние постройки. Они же, видимо, служили вентиляционными воздуховодами. Кровля из жердей, вероятнее всего, покрывалась берестой и дёрном для обеспечения теплоизоляции. Основной вход всегда расположен со стороны моря.

Почти все поселения располагаются на второй морской террасе заливов Баренцева моря, вплотную к древней береговой линии. Среди орудий костяные гарпуны (в том числе поворотные) и крупные рыболовные крючки. На ряде поселений, где сохранилась органика, среди кухонных отходов более 90 % составляют кости морских животных: тюленей, моржей, китообразных. Особенно многочисленны кости гренландского тюленя [25; 26].

Исследования после 1997 года

К концу 1990-х были произведены раскопки жилища № 5 на поселении **Усть-Дроздовка 3** на побережье Нокуевского залива совместной норвежско-российско-финской командой под руководством К. Хельсуга и В. Я. Шумкина [30]. Особенности этого жилища и находки из него весьма сходны с материалами фазы Гресбакен на территории Норвегии.

В 2010 году к востоку от посёлка Териберка была раскопана основная часть поселения **Завалишина 5**. Исследовано 26 отдельных объектов, 14 из которых являлись остатками больших углублённых жилищ разных конструкций (рис. 8). Все раскопанные объекты помещались на пологом склоне террасы в валуно-галечнике, что не способствовало сохранности их конструкций. Жилища отличались друг от друга и по конструктивным элементам, зафиксированным в раскопках, их можно разделить на три основных типа: 1) «классический гресбакен», 2) «глубокое подквадратное», 3) «мелкое прямоугольное».

Рис. 8. Поселение Завалишина 5 (поздний неолит — бронза). Жилище 6. Раскопки. Вид с юго-востока.
Фото Е. М. Колпакова

Найдено 156 тыс. каменных изделий, 6 тыс. фрагментов костей животных. Подавляющее большинство — изделия из камня (96 %). Имеется всего 33 фрагмента керамики с примесью асбеста. Керамика обнаружена только в трёх жилищах. Такое незначительное количество находок керамики типично для памятников Северной Фенноскандии. Среди изделий из камня абсолютно преобладают кварцевые (99 %). Сланцевых предметов 654 экз. (0,4 %). Имеется также 92 предмета из кварцита и песчаника (0,06 %), 37 изделий из гранита (0,02 %), 39 кусков пемзы (0,03 %). Все перечисленные

выше материалы могут считаться местным сырьём, поскольку встречаются на Кольском полуострове. Артефактов из импортного(?) кремня всего 53 экз. Среди орудий каменные наконечники стрел (рис. 9), скребки, ножи, грузила.

Рис. 9. Поселение Завалишина 5 (поздний неолит — бронза). Наконечники стрел из кремня и сланца. Фото Д. С. Шехирева

Из определимых костей на памятнике доминирует гренландский тюлень (1933 шт. — 89,2 % от всех; 99,6 % — от костей млекопитающих). Останки гренландского тюленя представлены всеми частями скелета (череп, нижняя челюсть, позвоночный столб, передние и задние конечности). Почти все фаунистические остатки найдены в одном, самом большом, жилище (№ 6). Минимальное количество особей гренландского тюленя (*Phoca groenlandica*) составляет 41, в то время как морского зайца (*Erignathus barbatus*) — 2, моржа (*Odobenus rosmarus*) — 1, белухи (*Delphinapterus leucas*) — 2. Судя по костям ювенильных особей, на гренландского тюленя охотились почти круглый год.

Остатки полуподземного жилища были обнаружены на стоянке **Харловка 1–6** на побережье пролива Семиостровский Рейд [31]. Несмотря на разрушения, такие особенности, как двойной обложенный камнем очаг и труба дымохода вместе с диагностическими находками, позволяют отнести жилище к типу Гресбакен. Комплекс артефактов включает каменные орудия, костяные и роговые орудия и украшения, керамику с асбестом, янтарную подвеску и медную пронизку. Многочисленные остатки фауны представлены преимущественно морскими видами млекопитающих и птиц. Радиоуглеродные даты по древесному углю указывают на период 2600–2300 лет до н. э. (SPb-1561, 2409, 2410), что соответствует типам артефактов, типу конструкции жилища и мощности культурного слоя. Ранняя датировка Харловки 1–6 (и ряда других жилищ) удревняет сложение культуры Гресбакен до середины 3 тысячелетия до н. э., что несколько раньше, чем считалось до этого.

Разумеется, если пытаться оценить роль тех или иных видов животных в диете древнего человека, то, кроме количества подсчитанных на поселениях особей, необходимо учитывать различия в массе тела и пищевой ценности разных животных. С учётом этих факторов гренландский тюлень (вместе с другими видами тюленей) остаётся на первом месте, но китообразные могут занимать в диете до 35 % [23].

К середине 2 тыс. до н. э. культура Гресбакен прекращает своё существование по неясным причинам.

Таким образом, население северной окраины Европы в эпоху неолита вырабатывает комплекс культурных адаптаций, позволяющий в рамках присваивающего хозяйства вести осёдлый образ жизни в суровых арктических условиях. Морская культура этого периода настолько специализирована и приспособлена к природной обстановке, что обеспечивала стабильную жизнь многочисленных человеческих коллективов на протяжении 2–3 тысяч лет.

Однако на рубеже 2–1 тыс. до н. э. происходит резкое изменение социально-экономического уклада населения всей Северной Фенноскандии. С морского побережья исчезают долговременные поселения. По всей видимости, люди частично перемещаются во внутренние районы и переходят от специализированного хозяйства, ориентированного на морской промысел, к хозяйству комплексного диверсифицированного типа. Не исключено, что при этом сокращается численность заполярного населения. Причины этих внешне катастрофических изменений пока не ясны и остаются актуальной проблемой северной археологии. Возможно, они связаны с относительным похолоданием этого периода, но не могут этим исчерпываться. Не исключено, что свою роль могло сыграть изменение поведения гренландского тюленя. Кроме таких «естественных» причин, способных объяснить «катастрофу», есть чисто источниковедческая. Если в конце бронзового века и с переходом к железному перестали строить большие, сильно углублённые дома и перешли к наземным постройкам, то культура стала значительно менее заметной для археологов.

Конец бронзового века отмечен **Кольским Оленеостровским могильником (КОМ)** — памятником с уникальной сохранностью органических и антропологических материалов, который датируется по ¹⁴C третьей четвертью 2 тыс. до н. э. [5: 351–352]. Он был открыт в 1925 году, а раскопки памятника проводили А. В. Шмидт в 1928 году и Н. Н. Гурина в 1946–1947 годах. В 2000-е были проведены новые раскопки и исследования имеющихся материалов. С 1925 года всего исследовано 32 погребения, содержащих остатки 44 погребённых (40 костяков).

Основные черты погребального обряда состоят в следующем. Умершие, вместе с погребальным инвентарём, помещались в вытянутом положении на спине в деревянные лодки-кережки, которые закрывались крышками и герметизировались смолой (вероятнее всего, умершие транспортировались в них на остров). Они опускались в прямоугольные могильные ямы, нередко укреплённые деревянными конструкциями. Ямы перекрывались плахами (обычно вдоль) и / или жердями (поперёк), концы которых придавливались камнями. Часть могильных ям устраивалась вплотную к предыдущим, образуя коллективные погребения. Могильные ямы как бы прикапывались одна к другой, не нарушая друг друга. На перекрытия или на крышки лодок-кережек нередко ставился керамический сосуд или створка раковины морского гребешка. Кроме того, в верхней части ряда погребений обнаружены кости различных животных — следы тризны. Могильные ямы в древности не были засыпаны. В период совершения погребений все они еще не подверглись заметным разрушениям, хорошо читались с поверхности и об их сохранности проявляли заботу.

Сопроводительный инвентарь отличается обилием и большим разнообразием предметов из кости и рога (рис. 10). Керамика, орудия из камня и металла немногочисленны. В инвентаре: кинжалы из кости и кремня; гарпуны, в том числе поворотные; костяные и составные рыболовные крючки; наконечники дротиков и стрел из кости и кремня; костяные иглы и проколки; инструмент из сланца; китовидные подвески; пронизки из раковин *Dentalium*; различные заколки и гребни; костяные накладки-навершия со стилизованным изображением головы северного оленя; костяные Т-образные навершия, напоминающие колотушки для бубна; бронзовый пластинчатый наконечник стрелы (типологически относится к ножам); фрагмент бронзовой пластины; тигль; сосуды и фрагменты асбестовой керамики, фрагменты вафельной керамики; «выпрямители древков» и «утюжок» из пемзы. Некоторые костяные предметы украшены прорезным геометрическим орнаментом.

Погребальный инвентарь располагался главным образом в области головы и / или под ней — видимо, в мешочках и в деревянных коробках (туесках), а также в области тазовых костей — видимо, висел на поясе. Несколько погребённых «держали» в левой руке неопределимую массу из нескольких компонентов, в каждом случае разных.

Остатки судов, датируемых до железного века, в Фенноскандии обнаружены лишь в КОМ. Они представляют собой погребальные саркофаги-лодки-кережки с крышками и не могут рассматриваться как лодки, применявшиеся в морском промысле. В то же время, в них реализованы все необходимые в кораблестроении элементы: набор корпуса из досок, килевая доска, шпангоуты, смоление. Вопрос о существовании в древности каркасных лодок, обтянутых кожей, остаётся открытым. Теоретически можно допустить, что имелись и лодки с обтянутым кожей каркасом или берестяные. Однако никаких археологических данных для этого нет [32: 276]. В то же время, находки в Кольском Оленеостровском могильнике свидетельствуют о предшествующем длительном развитии технологии, позволяющей строить суда из досок.

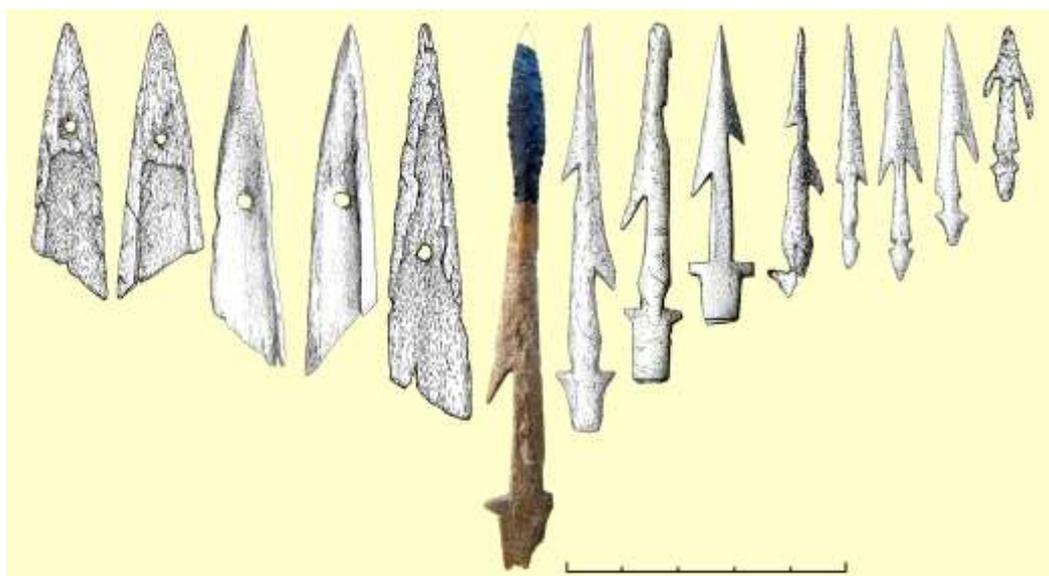

Рис. 10. Кольский Оленеостровский могильник (бронзовый век). Наконечники гарпунов (кость) и вставка из кремня. Фото Е. М. Колпакова

Антропологические и палеогенетические данные показывают, что в КОМ присутствует как минимум два компонента, ни один из которых не проявляет сходства ни с верхнепалеолитическими и мезолитическими популяциями Западной Европы, ни с современными саамами. Один из них, «западносибирский», находит ближайшие аналогии в населении юга Западной Сибири, начиная с эпохи неолита и до современных угроязычных народов (древние антропологические материалы севера Западной Сибири неизвестны). Аналогии второму присутствуют у древнего населения Северо-Восточной Сибири (в погребениях ымыяхтахской культуры Якутии). По антропологическим данным решить вопрос о месте и времени смешения данных компонентов пока не представляется возможным [5: 402, 471–472].

К концу бронзового века относятся два жилища (№ 15 и № 16) на поселении **Перьярви 1** на побережье Малой Волоковой губы полуострова Средний, раскопанные в 2012 году [33]. Они представляли собой прямоугольные углубления до 0,4 м размерами 6,5 × 5 м и 4,5 × 3,5 м, окружённые валиком шириной 1–1,5 м, высотой 0,1–0,2 м. В центре размещался очаг из камней. Входы не прослеживались. Из жилищ происходит 78 артефактов, в основном отщепы и осколки кварца. Есть 11 нуклеусов (из них 9 биполярных), грузило или якорь 21,5 × 13 см из гранита с поперечным желобком, 3 отбойника из гранита и обломок шлифовальной плиты из песчаника.

Наскальные изображения

Наши знания о древних насельниках Кольского полуострова существенно дополняются наскальными изображениями. Всего в Мурманской области известно четыре памятника наскального искусства: Канозеро (1400 выбитых фигур), Чальмн-Варрэ на Поное (287 выбитых фигур) [4; 34; 35], Пяйва (30 скальных панелей: 24 фигуры, выполненные красной краской, 9 геометрических гравировок) и Майка (3 нарисованные фигуры) на одноимённых реках на полуострове Рыбачий [7: 18–65; 34; 35]. Наиболее информативным из них является комплекс на островах озера Канозеро, к югу от Хибин, который мы датировем по косвенным признакам 4–2 тыс. до н. э. [3].

Главный сюжет канозерских петроглифов — охота с лодок на китообразных, вероятнее всего, на белух и морских свиней (рис. 11). Лодки большие: в одной помещается до 12 человек. Парусов нет. Судя по всему, лодки приводятся в движение вёслами-гребками. Один из членов экипажа обычно держит лить, на другом конце которого загарпуненный кит. Иногда весьма подробно изображается и сам гарпун. На Канозере и сухопутные животные поражаются с лодок гарпуном: бобры, медведи,

лоси. Собственно сухопутная охота представлена всего несколькими сценами: подробная лыжная охота с копьём на медведя (белого?), две сцены лыжной охоты на лося с копьём и одна без лыж. Примечательно, что на петроглифах нет изображений тюленей, которые были основной добычей, судя по материалам поселений.

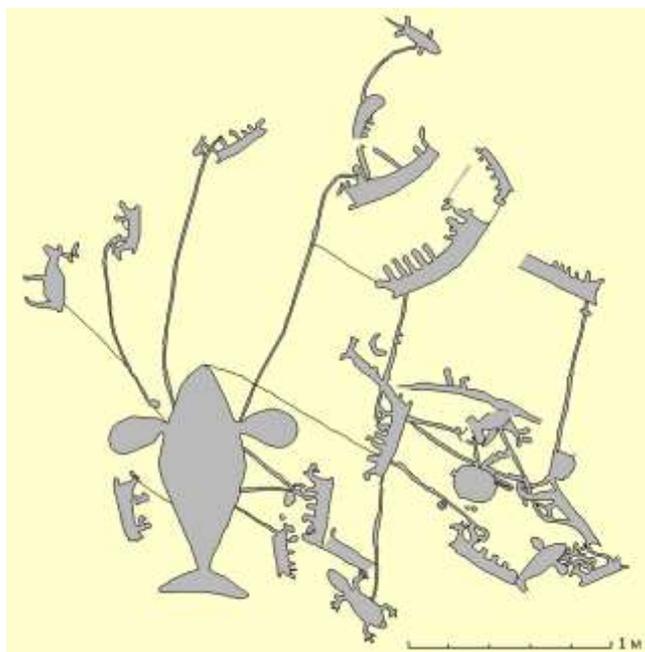

Рис. 11. Петроглифы Канозера. Сцена охоты на кита. Прорисовка Е. М. Колпакова

Целый ряд композиций изображают то, что можно назвать «человеческими отношениями». В ряде таких сцен участвуют фантастические персонажи.

Не вызывает сомнений, что на островах озера Канозеро находился сакральный центр эпох неолита и бронзы, который посещался населением, возможно, всего Кольского полуострова. В раскопах около самой большой на Канозере группы выбивок «Каменный 7» обнаружено более тысячи каменных артефактов и фрагменты керамики. Кроме кварцевых отщепов (отходов производства), найдены фрагмент кремнёвого бифасиального кинжала, 5 кремнёвых бифасиальных наконечников стрел, шлифованный наконечник стрелы и желобчатое тесло из сланца, а также некоторые другие орудия. Особенностью этих артефактов является то, что все они сделаны из привозного кремня и на них нет следов использования. Кинжал и один наконечник стрелы имеют естественные отверстия, по которым и сломались в древности. Видимо, они не предназначались для утилитарного использования. Эти данные говорят в пользу того, что все эти орудия были специально принесены и намеренно оставлены рядом с петроглифами. Фрагменты керамики типологически датируются 4 тыс. до н. э., типы кремнёвых и сланцевых орудий относятся к позднему неолиту — бронзовому веку 3–2 тыс. до н. э. [36].

Железный век, Средневековье, саамская культура (после 1 тыс. лет до н. э. — 236 памятников)

В железном веке в 1 тыс. до н. э. на территории Норвегии и Швеции появляются памятники, относимые к саамской культуре. Однако на территории России такие памятники пока не идентифицированы, а подвергшиеся раскопкам датируются не ранее начала 2 тыс. н. э. На протяжении XX века на Кольском полуострове было обнаружено около 30 археологических памятников эпохи Средневековья. Немногие из них были раскопаны; результаты лишь некоторых раскопок опубликованы [1: 127–128; 37–39; 40: 37–38].

Обследование Мурманского берега 1973 года был открыт ряд памятников с «каменными кольцами» диаметром 3–4 м. Два таких кольца (и прямоугольная выкладка) были расчищены тогда же в губе Вящина и 5 — в бухте Нерпичья (Дроздовка) в 1980 году. «В середине каждого кольца располагается очаг с углями, сложенный из мелких камней со следами обжига. В нескольких случаях от очага отходят ряды камней, как бы оконтуривающие вход. Внутри колец найдены кости ластоногих, костяные острия и кремневый наконечник стрелы... Разборка очага внутри каменного кольца в бухте Вящина дала обломки неорнаментированного сосуда и угли, датированные радиоуглеродным методом первой половиной XIV века. Эти сооружения, видимо, являются остатками жилищ типа кувакс» [41: 14].

В 1983 году В. Я. Шумкин зафиксировал группу слабо углублённых жилищ в бухте **Круглой** и раскопал два из них. В 1985 году он обнаружил сходные жилища в бухте **Дворовой** и раскопал одно из них (№ 8). В 1991–1992 годах О. В. Овсянников продолжил исследования в бухте Дворовой, раскопав ещё 13 жилищ [42]. За исключением жилища № 10, поселение датируется по материалу первой четвертью XVIII века и, видимо, связано с поморами и саамами. Из письменных источников известны имена хозяев судов, которые занимались морским промыслом, базируясь на становища в этих бухтах [42: 310–311]. Железные изделия составляют наиболее многочисленную группу предметов, найденных в Дворовой: ножи, сапожные подковки, винт от ружейного замка, крюки, кольца, гвозди, скобы, шилья, множество рыболовных крючков для ярусов. Кроме них: вобейны, кожаные ножны, свинцовые пули, бронзовая шаровидная пуговица, фрагменты бронзовых котлов, фрагменты фарфоровых курительных трубок, стеклянные бусы и осколки стеклянных бутылок (некоторые были ретушированы и использовались как режущие и сверлящие орудия при обработке дерева) [42: 287–301].

Исследования после 1997 года

В 2008 году было раскопано саамское жилище XVII–XVIII веков на **Северной Салме** озера Ловозеро совместной норвежско-российско-финской экспедицией под руководством Б. Ульсена и В. Я. Шумкина [43]. В своей конструкции жилище имело характерные саамские полты (roass) из дерева — две пары низких «оградок», идущие линиями от каменного очага в противоположных направлениях: одна пара к выходу, другая к задней стене.

В 2013 году на северном побережье Кольского полуострова, к юго-востоку от посёлка **Дальние Зеленцы**, на побережье губы Зеленецкой, были проведены раскопки двух жилищ XVIII–XIX веков, устроенных на периферии стоянок неолита и эпохи раннего металла. В ходе раскопок были выявлены конструктивные особенности построек, получена небольшая коллекция артефактов.

На памятнике **Гусиный 4** (на мезолитической стоянке) была раскопана каменно-земляная насыпь диаметром 6,5 м и высотой до 0,7 м с неглубоким провалом в центре. Под насыпью находился восьмиугольный подиум, отделённый от окружающего пространства двумя ровиками и подрезкой между их концами. В центре находилась овальная яма размером 2,4 × 1,5 м по верхнему срезу, 1,8 × 1 м по дну и глубиной 0,8 м, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Она была спущена с уровня древней дневной поверхности и заполнена проломившимися деревянное перекрытие и провалившимися в неё валунами насыпи. На дне ямы залегала спрессованная масса толщиной до 4 см из истлевшей бересты, дерева, шерсти, фрагментов костей и чёрной органики (кожи?), залежавших послойно. Анализы шерсти показали, что она принадлежит взрослой особи и детёнышу (пыжик) северного оленя. По углю из перекрытия объект датируется XII–XIII веками (SPb-1379). Вероятно, объект представляет саамское ритуальное погребение оленя.

В археологическом комплексе **Лива 1** в устье реки Лива в 2017–2020 годах было раскопано 6 очагов (рис. 12), относящихся к средневековой саамской культуре конца 1 тыс. — начала 2 тыс. н. э. [44: 6], а также антропологические остатки погребения, перезахороненного в XX веке при сооружении опорного пункта. Радиоуглеродные анализы образцов древесного угля и костей человека из разных объектов памятника (Le-12010, 12141, 12142, 12045–12048; SPb-2407, 2408), а также типы вещей позволяют отнести его функционирование к X–XIII векам.

Рис. 12. Комплекс Лива 1. Очаг б. Раскопки. Вид с юга. Фото Е. М. Колпакова

Коллекция из археологического комплекса Лива 1 на настоящий момент является самой большой для средневековых памятников Мурманской области. Она насчитывает 439 артефактов: из бронзы (255), железа (145), серебра (9), олова (3), свинца (9), керамики (1), стекла (1), песчаника (3), кремня (3), кварца (10), кости (1) [6].

Большая часть всех изделий, особенно железные инструменты и ювелирные украшения, судя по качеству исполнения, была произведена в городах — центрах ремесла. Благодаря торговцам (а позже миссионерам) далёкая северная окраина оказалась связана с Новгородом, Южной Карелией, Южной Швецией, ганзейскими городами Балтики. Такая же картина выявлена при исследовании находок из саамских средневековых святилищ Западной Лапландии [45: 96–105, Pl. 1–4]. По всей видимости, изделия из ремесленных центров поступали на Кольский Север разными путями. Один из них шёл из ганзейских городов Балтики и Южной Скандинавии через Ботнический залив и речную систему Северной Финляндии и Карелии. Второй вёл из Новгородской земли и Южной Карелии по рекам, связанным с Северной Двиной и Белым морем [46]. Без ответа пока остаются вопросы о том, какую роль найденные ювелирные украшения играли в культуре местного населения и почему они были оставлены на древнем стойбище в ковдорской тайге.

Второй памятник такого же типа — поселение **Кинтшемлухт 1** — обнаружен в 2022 году к западу от города Апатиты.

Основными занятиями саамов в это время была охота на северного оленя, лося, пушного зверя и рыболовство на озёрах. Не позднее IX века н. э. начинается одомашнивание северного оленя (олени-маньшики) и формируется кочевой, подвижный образ жизни. Одним из ярких свидетельств нового типа хозяйства — оленеводства — становится топография поселений, их размещение в ландшафте. Если ранее большинство археологических памятников располагалось на морском побережье и на берегах крупных озёр и рек, то с переходом к оленеводству появляются стоянки на удалении от воды, на высоких террасах, заросших сосняком и беломошником, — излюбленных оленьих пастбищах. Человек живет рядом с оленем, оберегая его от хищников и всюду следуя за ним.

Самые ранние археологические памятники **древнерусской культуры** на Кольском полуострове обнаружены в районе Кузомени, на реке Варзуге. Ещё в 1887 году здесь был найден клад из семи серебряных шейных гривен X–XIII веков [39], представленный на постоянной экспозиции в Государственном Эрмитаже. В 1969 году Н. Н. Гуриной в этом же районе был обнаружен разрушенный могильник с бронзовыми вещами (рис. 13), датирующимися по новгородской хронологии XI–XII веками [41: 13–15] (в экспозиции музея «Петроглифы Канозера»). В 1982 году О. В. Овсянников провёл новые сборы и раскопал три погребения выше по течению Варзуги:

«В могильнике на Терском берегу представлены импортные украшения, типичные для двух крупных областей чудского расселения: Приладожско-Белозерского (по некоторым элементам и Прикамского) и Поволжского. Прикосновение таких разнородных форм древностей происходило, очевидно, через район, характеризующийся смешением прибалтийско-финских, волжско-финских и пермских традиций. Судя по имеющимся данным, такой областью могла являться Двинская земля, традиционная связь которой с Терским берегом подтверждается и письменными источниками» [38: 204].

Каменные лабиринты, из которых на Кольском полуострове сохранилось всего восемь (а в Северной Европе около восьмисот), располагаются на берегах Белого и Баренцева морей: в губе **Малая Питкуля**, на мысе **Аннин Крест**, в губе **Вящина** (рис. 14), в деревне **Поной** и четыре лабиринта — на **Варзине**. Для нескольких из них были проведены новые археологические и палеогеографические исследования [47]. О датировке и интерпретации северных лабиринтов существует обширная литература. Диапазон предлагаемых датировок — от неолита до Нового времени. Однако новые исследования позволяют обосновать позднюю датировку Кольских лабиринтов.

Рис. 13. Могильник Кузомень 1. Бронзовые украшения из сборов Н. Н. Гуриной. Фото Е. М. Колпакова

Рис. 14. Каменный лабиринт в губе Вящина. Вид с севера. Фото Е. М. Колпакова

Реконструкция колебаний уровня моря определяет нижнюю возможную дату их создания, ранее которой на месте конкретного лабиринта было море. Высота лабиринта в губе Малая Питкуля — 3,4 м от средней величины прилива и, соответственно, возраст не ранее начала 2 тыс. н. э. [10: 354; 9]. Высота лабиринта на мысе Аннин Крест — 6,6 м от средней величины прилива и, соответственно, возраст не ранее начала первого тысячелетия н. э. [10: 354; 9]. Ближайшим пунктом к губе Вящина, для которого опубликованы данные исследований изменений древнего уровня моря, являются Дальние Зеленцы. Для них реконструируется уровень моря 2 тыс. лет назад на 3–4 м выше современного [8: 174]. Учитывая среднюю высоту приливов в районе губы Вящина около 5 м, нижняя возможная дата сооружения лабиринта оказывается не ранее середины 1 тыс. до н. э.

Для верхней даты каменных лабиринтов нет естественнонаучных данных. В письменных источниках единственная релевантная информация о кольских лабиринтах связана с легендой о Валите, которую записали в Коле князь С. Г. Звенигородский и наместник Болховский Г. Б. Васильчиков в 1592 году: «А в Варенге, на побоище Немецком, где Варенской летней погост, на славу свою принеши с берегу своими руками положил камень, в вышину от земли есть и ныне больше косые сажени, а около его подале выкладено камнем как бы городской оклад в 12 стен, а назван у него был тот оклад Вавилоном. А на Коле, где ныне острог, обложено было у него камнем в 12 стен тем же обычаем» [48: 27 прим. 56 к т. XI]. Название «вавилон» для обозначения каменных лабиринтов впервые

фиксируется в тех же письменных источниках [48: 27] и употребляется местным поморским населением по сей день.

Учитывая отсутствие других сведений о создании лабиринтов в письменных источниках и у местного поморского населения, можно допустить, что они построены не позднее XVI века. Вообще, учитывая время создания Кандалакшского лабиринта не ранее начала 2 тыс. н. э., все каменные лабиринты Кольского полуострова, видимо, лучше датировать Средневековьем, в пределах первой половины 2 тыс. н. э.

Нельзя не отметить, что археология Кольского полуострова началась с исследований каменных лабиринтов академиком К. Э. Бэром в середине XIX века. [49].

Список сокращений

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

СА — советская археология

Список источников

1. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 233 с.
2. Мурашкин А. И. Этапы изучения археологии Кольского Севера // Кольский сборник 3. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022. С. 134–145.
3. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера = Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России., 2012. 424 с., рус., англ., ил.
4. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ = Čalmn-Varré petroglyphs. СПб.: «ЛЕМА», 2018. 160 с., рус., англ., ил. doi:10.31600/978-5-00105-367-5.
5. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник = Kola Oleneostrovsky cemetery: 1925–2013. СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.
6. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора: Каталог выставки. (Археологический комплекс Лива 1). СПб.: «ЛЕМА», 2022. 104 с. doi:10.31600/978-5-00105-681-2 (<https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/2022Liva.pdf>).
7. Кольский сборник 3 / под ред. Е. М. Колпакова. СПб.: «ЛЕМА», 2022, 176 с. doi:10.31600/978-5-00105-761-1.
8. Corner D. G., Kolka V. V., Yevzerov V. Y., Møller J. J. Postglacial relative sea-level change and stratigraphy of raised coastal basins on Kola Peninsula, northwest Russia // *Global and Planetary Change* 2001. 31. P. 155–177.
9. Kolka V., Korsakova O. Locality 5. Late Glacial and Holocene evolution of Kandalaksha Bay recorded in bottom sediment lithostratigraphy of raised coastal lakes and shoreline features // *Quaternary geology and landforming processes* (edited by Korsakova O. & Kolka V.). Excursion guide of the International Field Symposium, Kola Peninsula, NW Russia, September 4–9, 2005. Apatity: Print. Kola Science Centre RAS. P. 36–46.
10. Колька В. В., Корсакова О. П. Применение геологических методов для датирования каменных лабиринтов на побережье Белого моря // *Вестник МГТУ*. 2012. Т. 15, № 2. С. 349–356.
11. Толстоброва А. Н., Корсакова О. П., Толстобров Д. С. Позднеледниково-голоценовая стратиграфия донных отложений из котловин малых изолированных озер баренцевоморского побережья (Кольский регион) // *Вестник геонаук*. 2022. 6 (330). С. 26–37. doi:10.19110/geov.2022.6.3.
12. Damlien H. Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 419.
13. Damlien H., Solheim S. The Pioneer Settlement of Eastern Norway // *Early Economy and Settlement in Northern Europe — Pioneering, Resource Use, Coping with Change*. Equinox eBooks Publishing, 2017.
14. Kleppe J. I. Desolate landscapes or shifting landscapes? Late glacial/early post-glacial settlement of northernmost Norway in the light of new data from eastern Finnmark // *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe*. BAR International Series 2599. Oxford. 2014. P. 121–145.

15. Kleppe J. I. The Pioneer Colonization of Northern Norway // *Early Economy and Settlement in Northern Europe* / Ed. by Blankholm H. P. Equinox. 2017. P. 13–57.
16. Sorensen M., Rankama T., Kankaanpaa J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glorstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th-8th Millennium BC // *Norwegian Archaeological Review*. 2013. Vol. 46, No. 1. P. 19–56.
17. Manninen M. A., Damlien H., Kleppe J. I., Knutsson K., Murashkin A., Niemi A. R., Rosenvinge C. S., Persson P. First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia // *Antiquity*. 2021. Vol. 252. P. 1–19. doi:10.15184/aqu.2020.252.
18. Мурашкин А. И., Колпаков Е. М. Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019, Т. 64, вып. 2. С. 666–682. doi:10.21638/11701/spbu02.2019.214.
19. Woodman P. C. The Komsa culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark // *Acta Archaeologica*. 1993. Vol. 63. P. 57–76.
20. Olsen V. *Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie*. Oslo, 1994.
21. Киселёва А. М. Комплексы раннеолитической керамики на Кольском полуострове // *Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых*. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 94–99.
22. Киселёва А. М. Керамическая посуда неолитической стоянки Йоканьга на Кольском Севере // *Кольский сборник 3*. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022. С. 110–121.
23. Hodgetts L. Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway. Unpublished PhD dissertation. University of Durham. 1999. 401 p.
24. Hodgetts L. Subsistence diversity in the Younger Stone Age landscape of Varangerfjord, northern Norway // *Antiquity*. 2010. Vol. 84, Number 323. P. 41–54.
25. Колпаков Е. М. Морская охота в археологии Северной Фенноскандии // *Археология Арктики / Науч. центр изучения Арктики; ред. Федорова Н. В.* 2018. Вып. 5. С. 63–74.
26. Киселева А. М., Мурашкин А. И. Морская охота и рыболовство на побережье Северной Фенноскандии до рубежа эр // *Самарский научный вестник*. 2019. Т. 8, вып. 2 (27). С. 171–179.
27. Колпаков Е. М. Питание древнего населения европейской Арктики // *Научно-практическая конференция «Питание и интеллект» (Санкт-Петербург, 22 апреля 2015 г.): Сб. трудов*. СПб.: Университет ИТМО; ИХиБТ, 2015. С. 29–34.
28. Мурашкин А. И. Обработка и использование металла в позднем неолите и эпоху бронзы на Кольском Севере // *Престижная экономика первобытных людей*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2022. С. 155–175.
29. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. & Murashkin A. I. 2016. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of the Kola Archaeological Expedition (ИИМК) in 2004–2014 // *New Sites, New Methods*. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. Helsinki. P. 175–184.
30. Hood B. C., Helsing K., Shumkin V. Ya 2022. Stone Age Houses on the Northern Rim of Europe: Arctic Norway and Russia's Kola Peninsula // *More than shelter from the Storm: Hunter-Gatherers and the Built Environment*. Florida. P. 83–108.
31. Kolpakov E., Murashkin A., Kiseleva A., Shumkin V., Mannermaa K. 2021. Kharlovka 1–6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia // *ISKOS 24*. P. 21–42.
32. Pickard C., Bonsall C. Deep-sea fishing in the European Mesolithic: fact or fantasy? // *European Journal of Archaeology*. 2004. Vol. 7 (3). P. 273–290.
33. Сапелко Т. В., Носевич Е. С., Кулькова М. А., Мурашкин А. И., Колпаков Е. М. Палеоэкологическая характеристика побережья Баренцева моря в позднем голоцене на примере полуострова Средний // *Проблемы Арктики и Антарктики*. 2018. Т. 64, № 4. С. 391–406. doi: 10.30758/0555-2648-2018-64-4-391-406.
34. Шумкин В. Я. Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения // *КСИА 200*. 1990. С. 39–43.
35. Shumkin V. Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // *Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi. 2000. P. 202–241.

36. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Тарасов А. Ю., Малютина А. А., Степанова К. Н. Петроглифы Канозера: раскопки // Записки ИИМК РАН. Вып. 26. СПб., 2022. С. 52–63. doi:10.31600/2310-6557-2022-26-52-63.
37. Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 84–88.
38. Овсянников О. В., Рябинин Е. Н. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 197–216.
39. Горюнова В. М., Овсянников О. В. Клад конца X — начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 211–220.
40. Шаяхметова Л. Г. Новые данные о древнем населении центральной части Кольского полуострова // КСИА. 200. 1990. С. 33–38.
41. Гурина Н. Н. Памятники эпохи металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 7–16.
42. Карпелан К., Овсянников О. В. Саамское поселение первой четверти XVIII столетия на побережье Баренцева моря (Кольский полуостров, бухта Дворовая) // Лодия. 2010. № 7. Архангельск: Лодия, 2013. С. 261–326.
43. Лавенто М. Саамская хижина в Ловозеро (Кольский полуостров): антропологический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. 3 (25). С. 321–324.
44. Murashkin, A. I., Kolpakov, E. M. Liva 1 — The First Medieval Sámi Site with Rectangular Hearths in Murmansk Oblast (Russia) // In Search of Hearths: A Book in Memory of Sven-Donald Hedman. ISKOS 22. Helsinki. 2018. P. 75–87.
45. Serning I. Lapska offerplatsfynd fran jirnalder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm: Geber, 1956. 222 s. (Acta lapponica 11).
46. Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI–XIII веков // Российская археология. 1993. № 1. С. 57–75.
47. Колпаков Е. М. Новые данные о каменных лабиринтах Кольского полуострова // Археология сакральных мест России (Соловки, 7–12 сентября, 2016 г.). Соловки, 2016. С. 104–109.
48. Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е. СПб.: типография Э. Праца, 1845. Кн. III.
49. Baer Karl Ernst. 1844. «Ueber labyrinth-förmige Steinsetzungen im Russischen Norden». Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Academie imperiale de Sciences de St.Petersbourg. Tome premier. St.Petersbourg & Leipzig. P. 70–80.

References

1. Gurina N. N. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova* [History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula]. Saint Petersburg, Center “Petersburg Oriental Studies”, 1977, 233 p. (In Russ.).
2. Murashkin A. I. Etapy izucheniya arkhologii Kol'skogo Severa [Stages of studying the archaeology of the Kola North]. *Kolskiy sbornik 3* [Kola collection 3]. Saint Petersburg, “LEMA”, 2022, pp. 134–145. (In Russ.).
3. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. *Petroglify Kanozera = Rock Carvings of Kanozero*. Saint Petersburg, Art of Russia, 2012, 424 p. (In Russ., English).
4. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I. *Petroglify Chal'mn-Varre = Čalmn-Varrè petroglyphs*. Saint Petersburg, LEMA, 2018, 160 p. (In Russ., English). doi:10.31600/978-5-00105-367-5.
5. Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Khartanovich V. I., Shumkin V. Ya. *Kol'skiy Oleneostrovskiy mogil'nik = Kola Oleneostrovsky cemetery: 1925–2013*. Saint Petersburg, Vologda, Antiquities of the North, 2019, 480 p. (In Russ., English).
6. Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya. *Sokrovishcha drevnego Kovdora: Katalog vystavki. (Arkhologicheskij kompleks Liva 1)* [Treasures of Ancient Kovdor: Exhibition Catalogue. (Archaeological complex Liva 1)] Saint Petersburg, LEMA, 2022, 104 p. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-00105-681-2 (<https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/2022Liva.pdf>).

7. *Kol'skiy sbornik 3* [Kola collection 3]. Saint Petersburg, LEMA, 2022, 176 p. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-00105-761-1.
8. Corner D. G., Kolka V. V., Yevzerov V. Y., Møller J. J. Postglacial relative sea-level change and stratigraphy of raised coastal basins on Kola Peninsula, northwest Russia. *Global and Planetary Change*, 2001, 31, pp. 155–177.
9. Kolka V., Korsakova O. Locality 5. Late Glacial and Holocene evolution of Kandalaksha Bay recorded in bottom sediment lithostratigraphy of raised coastal lakes and shoreline features. *Quaternary geology and landforming processes* (edited by Korsakova O. & Kolka V.). Excursion guide of the International Field Symposium, Kola Peninsula, NW Russia, September 4-9, 2005. Apatity, Print. Kola Science Centre RAS, pp. 36–46.
10. Kolka V. V., Korsakova O. P. Kol'ka V. V., Korsakova O. P. Primeneniye geologicheskikh metodov dlya datirovaniya kamennykh labirintov na poberezh'ye Belogo morya [Application of geological methods for dating stone labyrinths on the coast of the White Sea]. *Vestnik MGTU*, 2012, vol. 15, no 2, pp. 349–356. (In Russ.).
11. Tolstobrova A. N., Korsakova O. P., Tolstobrov D. S. Pozdnelednikovo-golotsenovaya stratigrafiya donnykh otlozheniy iz kotlovin malyykh izolirovannykh ozer barentsevomorskogo poberezh'ya (Kol'skiy region) [Late Glacial-Holocene stratigraphy of bottom sediments from basins of small isolated lakes of the Barents Sea coast (Kola region)]. *Vestnik geonauk* [Bulletin of Geosciences], 2022, 6 (330), pp. 26–37. doi:10.19110/geov.2022.6.3.
12. Damlien H. Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia. *Quaternary International*, 2014, vol. 419.
13. Damlien H., Solheim S. The Pioneer Settlement of Eastern Norway. *Early Economy and Settlement in Northern Europe – Pioneering, Resource Use, Coping with Change*. Equinox eBooks Publishing, 2017.
14. Kleppe J. I. Desolate landscapes or shifting landscapes? Late glacial/early post-glacial settlement of northernmost Norway in the light of new data from eastern Finnmark. *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe*. BAR International Series 2599. Oxford, 2014, pp. 121–145.
15. Kleppe J. I. The Pioneer Colonization of Northern Norway. *Early Economy and Settlement in Northern Europe*. Ed. by Blankholm H. P. Equinox, 2017, pp. 13–57.
16. Sorensen M., Rankama T., Kankaanpaa J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B. V., Glorstad H. The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia: Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th-8th Millennium BC. *Norwegian Archaeological Review*, 2013, vol. 46, no. 1, pp. 19–56.
17. Manninen M. A., Damlien H., Kleppe J. I., Knutsson K., Murashkin A., Niemi A. R., Rosenvinge C. S., Persson P. First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia. *Antiquity*, 2021, vol. 252, pp. 1–19. doi:10.15184/aqy.2020.252.
18. Murashkin A. I., Kolpakov E. M. Mezoliticheskiye stoyanki Kil'dinskogo proliva i problema zaseleniya Kol'skogo poluostrova v kamennom veke [Mesolithic Sites of the Kildin Strait and the Problem of Settling the Kola Peninsula in the Stone Age]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2019, vol. 64, issue 2, pp. 666–682. (In Russ.). doi:10.21638/11701/spbu02.2019.214.
19. Woodman P. C. The Komsa culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark. *Acta Archaeologica*, 1993, vol. 63, pp. 57–76.
20. Olsen B. *Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie*. Oslo, 1994.
21. Kiseleva A. M. Kompleksy ranneneoliticheskoy keramiki na Kol'skom poluostrove [Early Neolithic pottery complexes on the Kola Peninsula]. *Aktual'naya arkheologiya 6. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Actual archeology 6. Materials of the international scientific conference of young scientists]. Saint Petersburg, IIMK RAS, 2022, pp. 94–99. (In Russ.).
22. Kiseleva A. M. Keramicheskaya posuda neoliticheskoy stoyanki Yokan'ga na Kol'skom Severe [Pottery from the Neolithic Yokanga site in the Kola North]. *Kol'skiy sbornik 3* [Kola collection 3]. Saint Petersburg, “LEMA”, 2022, pp. 110–121. (In Russ.).
23. Hodgetts L. *Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway*. Unpublished PhD dissertation. University of Durham. 1999. 401 p.

24. Hodgetts L. Subsistence diversity in the Younger Stone Age landscape of Varangerfjord, northern Norway. *Antiquity*, 2010, vol. 84, no. 323, pp. 41–54.
25. Kolpakov E. M. Morskaya okhota v arkheologii Severnoy Fennoskandii [Sea hunting in the archaeology of Northern Fennoscandia]. *Arkheologiya Arktiki*, 2018, issue 5, pp. 63–74. (In Russ.).
26. Kiseleva A. M., Murashkin A. I. Morskaya okhota i rybolovstvo na poberezh'ye Severnoy Fennoskandii do rubezha er [Sea hunting and fishing on the coast of Northern Fennoscandia until the turn of the era]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2019, vol. 8, issue 2 (27), pp. 171–179. (In Russ.).
27. Kolpakov E. M. Pitaniye drevnego naseleniya yevropeyskoy Arktiki [Nutrition of the ancient population of the European Arctic]. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Pitaniye i intellekt"* [Scientific and practical conference "Nutrition and intelligence" (St. Petersburg, April 22, 2015): Col. works]. Saint Petersburg, ITMO University; IHiBT, 2015, pp. 29–34. (In Russ.).
28. Murashkin A. I. Obrabotka i ispol'zovaniye metalla v pozdnem neolite i epokhu bronzy na Kol'skom Severe [Processing and use of metal in the Late Neolithic and the Bronze Age in the Kola North]. *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey* [Prestigious economics of primitive people]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU [Petrozavodsk: PetrSU Publishing House], 2022, pp. 155–175. (In Russ.).
29. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. & Murashkin A. I. 2016. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of the Kola Archaeological Expedition (IHMC) in 2004–2014. *New Sites, New Methods*. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. Helsinki, pp. 175–184.
30. Hood B. C., Helsing K., Shumkin V. Ya Stone Age Houses on the Northern Rim of Europe: Arctic Norway and Russia's Kola Peninsula. *More than shelter from the Storm: Hunter-Gatherers and the Built Environment*. Florida, 2022, pp. 83–108.
31. Kolpakov E., Murashkin A., Kiseleva A., Shumkin V., Mannermaa K. Kharlovka 1-6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia. *ISKOS*, 2021, 24, pp. 21–42.
32. Pickard C., Bonsall C. Deep-sea fishing in the European Mesolithic: fact or fantasy? *European Journal of Archaeology*, 2004, vol. 7 (3), pp. 273–290.
33. Sapelko T. V., Nosevich E. S., Kul'kova M. A., Murashkin A. I., Kolpakov E. M. Paleoekologicheskaya kharakteristika poberezh'ya Barentseva morya v pozdnem golotsene na primere poluostrova Sredniy. [Paleoecological characteristics of the coast of the Barents Sea in the Late Holocene on the example of the Sredny Peninsula]. *Problemy Arktiki i Antarktiki* [Problems of the Arctic and Antarctic], 2018, vol. 64, no. 4, pp. 391–406. (In Russ.). doi: 10.30758/0555-2648-2018-64-4-391-406.
34. Shumkin V. Y. Novyye naskal'nyye izobrazheniya Severnoy Fennoskandii i staryye problemy ikh izucheniya [New rock carvings of Northern Fennoscandia and old problems of their study]. *KSIA*, 1990, 200, pp. 39–43. (In Russ.).
35. Shumkin V. Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population. *Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi*, 2000, pp. 202–241.
36. Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Tarasov A. Yu., Malyutina A. A., Stepanova K. N. Petroglyphs of Kanozero: excavations [Petroglyphs of Kanozero: excavations]. *Zapiski IIMK RAN*, 2022, issue 26. Saint Petersburg, pp. 52–63. (In Russ.). doi:10.31600/2310-6557-2022-26-52-63.
37. Ovsyannikov O. V. Srednevekovyy gruntovyy mogil'nik na Terskom beregu [Medieval soil burial ground on the Tersky coast]. *Novoye v arkheologii Severo-Zapada SSSR* [New in the archeology of the North-West of the USSR]. Leningrad, Nauka, 1985, pp. 84–88. (In Russ.).
38. Ovsyannikov O. V., Ryabinin E. N. Srednevekovyye gruntovyye mogil'niki Terskogo berega [Medieval ground burial grounds of the Tersky coast]. *SA*, 1989, no. 2, pp. 197–216. (In Russ.).
39. Goryunova V. M., Ovsyannikov O. V. Klad kontsa X — nachala XIII vv. v ust'ye r. Varzugi (Terskiy bereg Kol'skogo p-ova) [Treasure of the late X — early XIII centuries. at the mouth of the river Varzuga (Tersky coast of the Kola Peninsula)]. *Ladoga i yeye sosedi v epokhu srednevekov'ya* [Ladoga and its neighbors in the Middle Ages]. Saint Petersburg, IIMK RAS, 2002, pp. 211–220. (In Russ.).
40. Shayakhmetova L. G. Novyye dannyye o drevnem naselenii tsentral'noy chasti Kol'skogo poluostrova [New data on the ancient population of the central part of the Kola Peninsula]. *KSIA*, 1990, 200, pp. 33–38. (In Russ.).

41. Gurina N. N. Pamyatniki epokhi metalla i rannego srednevekov'ya na Kol'skom poluostrove [Archaeological sites of the Metal Age and the Early Middle Ages on the Kola Peninsula]. *Novoye v arkheologii SSSR i Finlyandii* [New in Archeology of the USSR and Finland]. Leningrad, 1984, pp. 7–16. (In Russ.).
42. Karpelan K., Ovsyannikov O. V. Saamskoye poseleniye pervoy chetverti XVIII stoletiya na poberezh'ye Barentseva morya (Kol'skiy poluostrov, bukhta Dvorovaya) [Saami settlement of the first quarter of the 18th century on the coast of the Barents Sea (Kola Peninsula, Dvorovaya Bay)]. *Lodia*, 2010, no. 7. Arkhangelsk, Lodia, 2013, pp. 261–326. (In Russ.).
43. Lavento M. Saamskaya khizhina v Lovozero (Kol'skiy poluostrov): antropologicheskiy aspekt. [Saami hut in Lovozero (Kola Peninsula): anthropological aspect]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2009, 3 (25), pp. 321–324. (In Russ.).
44. Murashkin A. I., Kolpakov E. M. Liva 1 — The First Medieval Sámi Site with Rectangular Hearths in Murmansk Oblast (Russia). In *Search of Hearths: A Book in Memory of Sven-Donald Hedman*. ISKOS 22. Helsinki, 2018, pp. 75–87.
45. Serning I. *Lapska offerplatsfynd fran jirnalder och medeltid i de svenska lappmarkerna*. Stockholm, Geber, 1956, 222 s. (Acta lapponica 11).
46. Makarov N. A. Russkiy Sever i Laplandiya: torgovyye svyazi XI–XIII vekov [The Russian North and Lapland: Trade Relations of the 11th–13th Centuries]. *Russian Archeology*, 1993, no. 1, pp. 57–75. (In Russ.).
47. Kolpakov E. M. Novyye dannyye o kamennykh labirintakh Kol'skogo poluostrova [New data on the stone labyrinths of the Kola Peninsula]. *Arkheologiya sakral'nykh mest Rossii* [Archeology of sacred places in Russia (Solovki, September 7–12, 2016)]. Solovki, 2016, pp. 104–109. (In Russ.).
48. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Saint Petersburg, printing house E. Pratz, 1845, Book III.
49. Baer Karl Ernst. 1844. “Ueber labyrinth-förmige Steinsetzungen im Russischen Norden”. *Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Academie imperiale de Sciences de St.Petersbourg*. Tome premier. St.Petersbourg & Leipzig, pp. 70–80.

Информация об авторах

Е. М. Колпаков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник;
А. М. Киселёва — младший научный сотрудник;
А. И. Мурашкин — младший научный сотрудник;
В. Я. Шумкин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

E. M. Kolpakov — D. S. in History, Leading Research Fellow;
A. M. Kiseleva — Junior Research Fellow;
A. I. Murashkin — Junior Research Fellow;
V. Ya. Shumkin — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.